

УДК 947

А.П. Казаркин

ЭТАПЫ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ

Рассматриваются основные проблемы колонизации Сибири, оказавшие влияние на русскую литературу.

Ключевые слова: колонизация, Сибирь.

Литературная история Сибири – один из аспектов колонизации Северной Азии и должна рассматриваться, прежде всего, в границах этой ключевой проблемы. Г.Н. Потанин трактовал новую историю Сибири как *колонизацию* Северной Азии: «В Сибири одновременно развивались две колонизации: вольнонародная, шедшая впереди, и правительственная, руководимая воеводами» [1, С. 263]. Историки дореволюционного и советского времени, избегавшие слова «завоевание», прибегали к выражениям: «присоединение Сибири», «овладение», «подчинение». Но в мировой науке слово «колонизация» стало общепринятым термином, далеко не всегда несущим негативную нагрузку. Ещё А. Радищев в своём «Сокращённом повествовании о приобретении Сибири» сделал акцент не на государственной, а на стихийной колонизации. Этой версии придерживались П.А. Словцов и А.П. Шапов: стремление народа в Сибирь – следствие конфликта с государством. В советское время эту концепцию поддержал С.В. Бахрушин, и самые интересные обобщения на этом пути сделали евразийцы. По их мнению, русская колонизация Сибири завершила победу «леса» над «степью». По Г.В. Вернадскому, Москва стала наследницей Золотой орды, но колонизация получила обратное направление – с запада на восток [2]. Дискуссию на эту тему нельзя считать завершённой, она то затихает, то вновь разгорается.

Взгляд на колонизацию как основу истории России разделяли классики науки: В.О. Ключевский («Стержень отечественной истории – колонизация новых земель»), А.Ф. Платонов и другие. М.К. Любавский утверждал, что «русская история есть, в сущности, история непрерывно колонизирующей страны», и важно понять, «какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать всё новые и новые места...» [3. С. 164]. В самом деле, когда-то и Днепр, и Дон, и Поволжье были районами славяно-русской колонизации. Феномен колонизации – ключевая проблема истории Сибири. Но было ли что-то исключительное в заселении Северной Азии?

Западные историки пишут о начинавшейся китайской колонизации и волнах тюркского завоевания Сибири, о распространении буддийско-монгольской культуры (джунгары – большей частью буддисты). Приход Кучума из Бухары в Прииртышье означал мусульманскую колонизацию Сибири. Надо отграничить исходное понятие от других. Если коренное население уничтожается (Великий Хорезм, Северная Америка), нет основания говорить о колонизации, и никакой «фронтир» (отодвигаемая дикость) не заретуши-

рует суть явления – геноцид. Под колонизацией обычно подразумевают влияние стадияльно превосходящей культуры на коренные народы.

Летописи не преувеличивают «тиумфальность» продвижения казаков по таёжной зоне. В самом деле, огнестрельное оружие и боевая организация производили на аборигенов «покоряющее» впечатление. На руку русским была и межплеменная вражда. Так, ханты, подчинившись русским, помогли усмирить более упорных манси, а юагиры – коряков. Согласно «сказкам», донесениям, первопроходцев, некоторые племена почти не сопротивлялись, ибо для них речь шла о смене господина: кому платить дань. В донесениях воевод мелькают слова: «ясырь», «аманат», и слово *ясак* заимствовано русскими у монголов. Известны и «двоеданы» (шорцы, телеуты, хакасы, барабинские татары), платившие и русским, и джунгарам. Взятие заложников, принуждение к клятве, террор против стойких и задабривание конформистов – все эти меры были заимствованы казаками у ордынцев. Куда более сложной задачей оказалось подчинение степной полосы: у степных кочевников имелись суперэтнические объединения и боевые традиции. По терминологии А. Тойнби, «вызову истории» ответили русские. Пределом русской колонизации стал океан на востоке (который переплыли, почти не заметив при овладении Аляской, кою потом бездумно отдали) и Китай на юге. Теперь вопрос свёлся к темпам заселения Северной Азии. Для государства задача эта первоначально была непосильной.

Главный стимул стремительного движения «охочих людей» на восток – *объясачивание*. П.А. Словцов, живший в эпоху, когда «ясачный оклад» ещё действовал, отметил: «Сия дань вималась соболями, лисицами, бобрами, песцами белыми и голубыми, куницами, горностаями, рысью, белкою и зайцами лучшего, разумеется, разбора. Ясак был тройкий: а) податный – по 10 соболей с женатого и вполы с холостого по установлению Бориса, как будто и женщины звероловствуют, б) десятинный, т.е. десятый зверь всякой породы, в) поминочный, или поклонный» [4. С. 219]. Однако вскоре отнятие мехов уступило место торгово-меновым операциям. Так, *государев ясак* составлял не более 10–15 % всего привоза из Мангазейского уезда, наиболее богатого пушниной, остальное давала торговля. «Пушная лихорадка» вовлекала всех в товарообмен, во всероссийский рынок. С.П. Крашенинников составил «Описание соболиному промыслу», из которого видно, что в тайге срединной Сибири соболь к 40-м гг. XVIII в. уже истощился, а Камчатка оставалась нетронутой. Дань, казавшаяся сначала легкой, уже в XVIII веке стала тяжёлой, о чём свидетельствует большая задолженность «объясаченных инородцев» казне. Причина, впрочем, состояла и в том, что устрашающие казачьи экспедиции прекратились. Но долго различались русские волости и ясачные.

С.В. Бахрушин нарисовал яркие портреты первопроходцев: «Как правило, подчинению иноземцев ясаку предшествовала военная экспедиция»; «на красноморском рынке пушнина отступает на второй план перед взятым с бою “ясырем”. В атмосфере непрерывной резни складываются типичные черты красноморского служилого человека XVII в.: склонность к своеволию и буйству, жестокость и падкость до наживы и выше всего – вольнолюбие, дух

непокорства и независимости» [5. С. 178]. Хотя первый этап русской колонизации Сибири и выглядит военным наступлением, но продвигались на восток малочисленные и разрозненные отряды, половину которых иногда составляли промысловики и торговцы пушниной.

Ко времени прихода русских аборигенное население Сибири составляло около 230–240 тысяч человек – на 10 млн кв. км, значит, здесь могло прокормиться население, в 200 раз большее, при том же способе хозяйства – охотничьем и кочевом. На грани XVI и XVII вв. соотношение русского и аборигенного населения было 1 к 100, на грани XVIII и XIX вв. – четыре к одному. Как всякую конкуренцию народов, русское заселение Зауралья нельзя назвать безоблачным: было и спаивание, и прямой грабёж аборигенов. Но всё познаётся в сравнении, и здесь надо знать методы властвования в тюркских и монгольских кочевых империях. Л.Н. Гумилев считал русский опыт колонизации не столь негативным и по сравнению с западным: «К счастью для России, в её истории не было тотального уничтожения слабых народов по принципу расы или идеологии, и этой заслугой предков можно гордиться» [6. С. 374.]. В отличие от демократических США, Российская империя включала аборигенов в социальную иерархию, «инородцы» иногда делали успехи в карьерном продвижении, но условием достижения высоких чинов было крещение. Впрочем, на командных высотах иногда оказывались и мусульмане-аристократы.

Тезис советской историографии о неуклонном нарастании «ясачного гнёта» не находит подтверждения в документальных источниках. Некоторые народы имели относительную автономию. Чукчи, не хотевшие подчиняться неизвестному им «белому царю», жили «по собственным законам и обычаям». Они участвовали в межконтинентальной торговле: привозили с Аляски мешки из тюленьих шкур, товары, изготовленные индейцами, а на Аляску везли топоры, иголки, нитки и т. п. Товарообмен нередко казался выгодным аборигенам: «купец обманывает камчадалов, а камчадалы воображают, что купца обманули» (С. П. Крашенинников). Ханты дивились «глупости» русских, отдававших хороший топор всего за три-четыре собольих шкурки.

Таким образом, в XVII в. шла борьба за Сибирь трёх основных сил: Джунгарской орды, Бухарского ханства и Московской Руси. Это было противостояние трёх мировых религий – ламаистского буддизма, ислама и восточного христианства. В русской колонизации Сибири различают три этапа: военное подчинение с целью получения дани, сельскохозяйственно-ремесленный и, наконец, промышленный этап. Центральная проблема здесь – аккультурация, а это явление обычно оценивают с разных сторон. Уменьшалось число кочевников, всё больше становилось земледельцев среди татар, хакасов, бурят. На севере на смену родовой общине приходила более сложная организация феодального типа. Значительным новшеством были реформы, предложенные М. Сперанским. Созданный им Сибирский комитет утвердил «Устав об управлении инородцами Сибири». Аборигены разделялись на *оседлых* (получали права, равные с русскими), *кочевых* и *бродячих* (пешие охотники). В целом инородческие управы, в том числе Степные думы, опирались на родовую знать.

Весомо и сложно влияние *штрафной* колонизации – ссылки по административным указам и по приговору судов. Отдалённость каторжных мест, затруднявшая побег, и суровый климат были основанием выбора Сибири как места наказания за самые тяжёлые преступления. Сибирский тракт стал пешей дорогой для партий арестантов, проходивших в день 15–20 вёрст. П. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» приводит сообщение середины XVIII в.: «В 1755 году случилось, что из 2000 с лишком душ, следовавших на поселение в Нерчинские заводы, умерло 517» [4. С. 251] (то есть четвертая часть).

В XVIII–XIX вв. в большом количестве ссылали старообрядцев, которые, впрочем, и сами бежали в Зауралье и основывали здесь не только скиты, но и целые деревни. (Распространённое наименование старообрядцев «расколниками» не адекватно исторической реальности: русскую церковь расколол не старовер Аввакум, а сторонник «новин» Никон). При Екатерине II были посланы в необжитые места несколько тысяч семей русских староверов из присоединённых к России районов Польши.

Уголовники были настоящим бичом сибирских сёл, но именно они составляли основную массу «посельщиков». При всех издержках, ссылка особенно была важна для мест, куда люди редко ехали по доброй воле (Нарым, Камчатка, Сахалин). С XVIII в. штрафная колонизация стала основным правительственным курсом в Сибири. Сибирские публицисты XIX в. протестовали против заполнения городков и сёл социальными отбросами, частные газеты требовали отмены ссылки осуждённых по уголовным делам. Н. Ядринцев подытожил к 300-летию *покорения* Северной Азии: «Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и формы жизни создали в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих» [7. С. 324].

Хозяйство районов устойчиво развивалось при совпадении двух важнейших факторов: гарантированного сельского хозяйства и транзитных транспортных артерий. Районирование Сибири учитывает перемещение центров колонизации: прежде всего, объясачивания, далее – хлебной торговли, затем – ремесленного и, наконец, промышленного производства. Основа образования «хлебных» и «нехлебных» районов – удалённость от Урала. Различают районы: Прииртышский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ангаро-Байкальский, Ленско-Охотский и Амурский. Тобольская губерния превосходила все другие регионы Сибири по числу ярмарок, за нею следовали Томская и Иркутская губернии. Томский острог оказался в полосе, сравнительно благоприятной для земледелия, и определяющее значение здесь стали играть санно-тележные ремёсла. Восточнее Ангары, располагался потребляющий район, население которого многократно уступало плотности Томско-Кузнецкого района. Пространство от Лены до Охотского моря практически оставалось безлюдным. Мешок сухарей стоил здесь больше, чем мешок с пушшиной.

В Сибири повторились основные черты русской культуры предыдущих столетий: предпочтение речных путей сухопутным, складывание поначалу военно-административных, а затем и культурных центров. Тюрко-монгольская Сибирь подчинила Русь на конях, а русские казаки прошли Сибирь по рекам, как варяги в Древней Руси. В дорусской Сибири даже реки не использовались для передвижения на большие расстояния, средства передвижения соответствовали хозяйству присваивающего типа, а в нём нет потребности в дорогах. Этапы заселения Зауралья русскими отражены в преобладании одного из видов транспорта: сначала – речного, затем гужевого (санно-тележного). Русская колонизация Сибири не потребовала больших парусных кораблей, оснащенных тяжёлыми пушками. Речные пути показали направление русской колонизации – Северо-Восток. Первоначально города строили только по рекам, и речной транспорт определял все связи, хозяйственные и административные. Ещё до Ермака поморы доплывали от устья Печоры до устья Оби за два месяца. Источники называют в середине XIX в. в Обском бассейне 526 деревянных судов, на Енисее и Байкале (вместе с Ангарой) – 201 судно, на Лене – 103 судна. (Для сравнения: на Неве и связанных с нею Мариинской, Тихвинской и Вышневолоцкой речных системах в это время – 7102 судна; в бассейне Волги – 5272, даже на одной Оке было 360 судов, т.е. больше, чем на Енисее, Ангаре, Лене и Байкале, вместе взятых) [8].

Отчётлив сезонный характер перевозок: летом – большей частью по воде, зимой – санный путь по тем же рекам, поскольку дорог не было. На первых порах грунтовые дороги были только подъездными путями к рекам; водный транспорт уступил своё первенство в ту эпоху, когда важнейшие города и экономические зоны Сибири уже вполне сложились. Гужевой транспорт – вторая страница истории Сибири. Сибирские дороги начинались как *во́лки*, затем долгое время действовали как *зимники*. В начале XVII в. Сибирь представляла собой пространство полного бездорожья, затем в течение 100–150 лет были проложены «государевы дороги». Сибирский (или Московско-Иркутский) тракт превзошёл по длине все восемь основных трактов доуральской России, вместе взятых, и стал самой длинной санно-колёсной дорогой мира.

К важнейшим следует отнести: Иркутско-Якутский тракт, на котором к концу XVIII в. насчитывалось 39 русских деревень («станков»), Якутско-Охотский тракт (главным образом, вьючный путь); Кяхтинский тракт (от Иркутска в Китай); Братско-Илимский тракт (затем Илимск – Усть-Кут). Во второй половине XVIII в., после распада Джунгарской орды, прокладывается Чуйский тракт (Бийск – Кош-Агач, около 600 вёрст) по старым вьючным тропам. В середине XVIII в. почта стала приходить в Сибирь регулярно – 1 раз в месяц. Моментом появления путей местного значения следует считать создание дорог между крепостями: Кузнецк – Бийск, Омск – Семипалатинск, Бердская крепость – Барнаул. Расширение сети дорог связано с увеличением населения, с вольным переселением крестьян. В начале XIX в. между Томском и Иркутском подводы 44 раза останавливались на постоя, здесь официально числилось 585 постоянных дворов, но это были зажиточные

хозяйства, постоянно платившие пошлину. Гужевые перевозки в Сибири занимали до 1/10 мужского населения.

Даже в конце XIX в. Сибирский тракт был самой населённой полосой Сибири. Жителей деревень, находящихся от тракта на расстоянии 50 вёрст, обязали давать на ремонт подводы и работников по первому требованию в любую пору. Сибирские дороги до конца остались созданием народной инициативы, и, несмотря на их значение, все они относились к дорогам 3-го класса. Дальность перевозок, сезонно-ярмарочный тип торговли и преобладание меновых операций из-за большой разницы цен в Приуралье и Забайкалье – причины замедленного формирования общесибирского рынка.

Мануфактуры Демидова – первый пример внедрения в Сибири значительного частного капитала. Переход Кольвано-Воскресенских рудников в Кабинетскую систему не привёл к их модернизации, и без принудительного труда эти заводы были убыточны. Расценки за труд были занижены. Основным фактором экономического развития в XIX в. стала горнодобывающая промышленность, она требовала переворота в транспорте. Вывоз товара в центральную Россию «гужом» делал убыточным любое производство, кроме добычи драгоценных металлов. Был и другой тормоз индустриального развития – ограниченность рынка труда: при обилии свободной земли избыточные рабочие руки не могли появиться, и «золотая лихорадка» выявила, в первую очередь, дефицит рабочих

Кустарные промыслы в дореволюционной Сибири – это самообслуживание населения, оно сдерживало образование крупного фабрично-заводского производства. Кустарные артели превращались в малые фабрики, но конкуренции в Сибири не было в силу постоянного товарного дефицита. Сибирская промышленность ориентировалась на внутренний рынок, капитализация производства отставала. Древнейшие промыслы – охота и рыболовство – были широко распространены по Северной Азии, и вес их в хозяйстве возрастал по мере продвижения на север, где не было земледелия.

Итак, бездорожье было основным фактором, сдерживавшим модернизацию региона до конца XIX в. Настоящий индустриальный переворот в Сибири произошёл после прокладки железной дороги. На Земле было три дороги рекордной длины, и они соответствовали трём историческим этапам: великий Шёлковый путь (караванный), Чайный путь (он же Сибирский тракт) и Транссибирская железнодорожная магистраль. Если за предыдущие 30 лет (1830–1891 гг.) в Сибирь переселилось около 450 тысяч человек, то теперь темпы переселения возросли в десять раз. Железная дорога дала бурный прирост населения Омска, Красноярска, Иркутска, тысячи людей ежемесячно ехали в Прибайкалье и в Уссурийский край.

Важная часть культурной колонизации – деятельность миссионеров. «Новокрещены» на три года освобождались от налогов, что многих подтолкнуло к формальному принятию православия. Как и у славян века назад, бытовало двоеверие: на охоте и на праздниках «инородцы» совершали старые обряды. На первый взгляд, Сибирь XVII в. – это завоёванное пространство: почти не заметен процесс обживания, заполнения её русской культурой. Но в каждом остроге первым делом строили церковь, вскоре стали по-

являться монастыри, игравшие роль духовно-культурных центров, поскольку в них стекались книги, развивалась иконопись. В семинарии принимали и детей крещёных «иностранцев»: их готовили к миссионерской проповеди. Из «дикой периферии» мира край превращался в провинцию Российского государства, правда, самую отсталую, необжитую. Необходимо было многократно усилить местное производство и товарообмен, для развития инфраструктуры требовались очень большие капиталовложения, но правительство смотрело на Сибирь только как на источник доходов.

В целом за 300 лет от Ермака до областной думы революционного времени Сибирь преодолевала черты колонии. Если прежде гужевые тракты были подъездными путями к рекам, то теперь реки стали подъездными путями к железной дороге. Резко увеличился вывоз зерна из Сибири, и перед Первой мировой войной сибирские пшеница, масло и сыр вызвали понижение цен на рынках Европы. В конце XIX в. сибирский лес оказался предметом международной торговли, возникли концессии и синдикаты, специализировавшиеся на вывозе лесоматериалов. Сибирь – главный запасник хвойных лесов – испытала тяжёлый прессинг: были обезлесены тысячи квадратных километров, где прежде была непроходимая тайга.

К концу XX в. статус Северной Азии как сырьевого придатка стал ещё более очевидным. Принято говорить, что «недра Сибири таят в себе всю таблицу Менделеева». Но сырьё приходится вывозить за 3–4 тысячи километров. Доходы от недр перемещаются в центр и далее за границу, а крупнейшие сибирские предприятия превратились в «московские». В Сибири 80 % всех природных запасов страны, в столице – 80 % капиталов. Велика разница в уровне жизни столицы и периферии. Средний класс в Москве составляет 36 %, а в городах Сибири – 7–13 %. Но и эти 7–13 % представляют люди, связанные с добычей нефти, газа, угля. Капиталисты-временщики доводят добычу сырья до истощения среды, до полного исчерпания возможностей ранее созданной техники. Экономисты настойчиво говорят: в современной Сибири нет средств для возобновления техники. К концу XX в. в Сибири проживали 32 миллиона человек, что сопоставимо с населением Испании и Румынии. Но из-за низкого уровня жизни в Зауралье идёт отток населения, особенно обезлюдел Дальний Восток. Уровень жизни в малых городках и деревнях Сибири поражает иностранцев, они не понимают, как можно быть нищими при таких природных богатствах. 400 лет Сибирь лишь малую часть доходов могла употреблять на развитие дорог, обустройство городов и сёл. Тем не менее производство и товарооборот выросли многократно, и Зауралье вышло из своей тысячелетней неподвижности.

К началу XXI в. около половины пространства Северной Азии – неосвоенные территории. Это стратегический запас земли и ресурсы экономического роста. Однако новый век открыл кричащие проблемы, и главная из них – убыль населения. Русская колонизация замерла в критической фазе. Депопуляция приобрела на Северо-Востоке и в Забайкалье угрожающие размеры: города в постсоветское время здесь перестали расти. Безработица сделала урбанизированный Кузбасс, в сущности, зоной социального бедствия. В советскую эпоху ускоренная индустриализация опережала культурное строи-

тельство. Области, не ставящие культурных задач, живут не для себя, а впрок и для других, поэтому остаются сырьевой колонией. Тогда общегосударственные задачи решаются за счёт отказа от местных. Хотя Зауралье даёт около четверти сельскохозяйственной продукции России, деревни и сёла здесь – зона депрессии. Насильственная пролетаризация крестьянства, большей части населения, разрушала региональную идентичность. С такими проблемами подошла Сибирь к рубежу тысячелетий. Уровень жизни сельского населения угнетающе низок.

В советское время прежние, сложившиеся, границы губерний и уездов большей частью были отменены, контуры областей несколько раз изменялись, что воспитывало в людях неукоренённость, чувство временного проживания. Во многом сбилось предупреждение Г. Н. Потанина о колониальном опустошении края. Подводя итоги XX в., предварительные, конечно, надо оглянуться на высказывание П. Словцова: «Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область».

До начала XX в. фольклорно-мифологическое наследие аборигенов Сибири, в сущности, оставалось невостребованным, почти не была реализована в литературе и «куперовская» тема первопроходцев. Диалог русских и аборигенов освещён лишь в художественно второстепенных произведениях В. Арсеньева, Г. Федосеева. В перспективе создания советского народа сохранение этнографических типов казалось ложной задачей, тянувшей в прошлое. Как русские советские писатели героизировали «окаянные дни», так и русскоязычные аборигены прославляли исчезновение собственного этноса. «Алитет уходит в горы» – это радость маргиналов по поводу изгнания родовых старейшин и шаманов. Облавы на шаманов – реальность того времени; районные газеты рапортовали об арестах местной элиты.

Формационный подход породил доктрину ускоренного развития письменных культур, поощрявшую *аккультурацию* народов Северной Азии. Предел такого развития – возникновение химеры, когда народам навязывают губительные для них поведенческие стереотипы. Народы таёжной полосы Сибири, давно прошедшие фазу надлома, жили в равновесии с природой, их национальная история завершена, и вопрос сводится к тому, сколько лет или веков позволят им сохраниться соседи.

Марксистско-ленинская утопия прокатилась нивелирующим катком по национальным культурам. Однако в жизни любого народа, отлучённого от истоков, рано или поздно начинается «почвенническое» движение, хотя бы запоздалое. Мотив возвращения блудного сына к родному очагу можно различить в наиболее интересных произведениях аборигенов: «Ложный гон» нивха Владимира Санги, «Амур широкий» нанайца Григория Ходжера, «Синий ветер каслания» манси Ювана Шесталова. Все реалии традиционного быта предстали в ореоле запоздалого сожаления. В образах мифов открывается безусловная правда и далёкий прогноз, мудрость шаманов и кайчи ставится выше книжной. Поскольку у этих народов не было художественной прозы, доминирует европейская традиция, и всё-таки картина мира иная.

Для сибиряков в переходную эпоху особенно актуален выбор между Западом и Востоком. Ведь, как писал Ф.М. Достоевский, «русский не только европеец, но и азиат». Встречный вопрос задал поэт А.К. Толстой: «Вы скажете: станем к варягам спиной, лицом повернёмся к обдорам?». Если «обдоры» – это народы таёжной полосы, то у них есть чему поучиться – бережному отношению к живой природе, если «судьба всех народов – постепенный переход к этноландшафтному равновесию» (Л. Гумилёв). В этнологии принят вывод о возрастных болезнях этносов: опустошение природы – свидетельство *обскурации* (наступает «фаза тьмы»), после которой остаются реликты, этнические осколки. Народы, пройдя все фазы развития, в эпилоге исторической драмы возвращаются в природу, правда, это может оказаться возвращением в пустыню. А вот ответ на «обдорский» вопрос В. Астафьева, данный им в конце жизни: «Остающиеся существовать на Земле ещё будут завидовать нивхам, удэгейцам, эвенкам, нганасанам и прочим народностям, успевшим вымереть до Страшного суда, до катастрофы земной, до вымирания всеобщего на отравленной, ограбленной, измученной своей планете...» [9]. Писатель подхватил мотивы, типичные для миропонимания нынешних аборигенов. Народы-старички лишены той природной среды, в которой сохранялась их культура, теперь всё их достояние – это заветы предков. У аборигенов сложилось мнение, что русские идут по тупиковому пути и скоро их в Сибири не станет: «Русские будут обессилены без машин, потому что они не умеют делать луки, ловушки на зверей, варить из чешуи клей и делать крепкую тетиву для лука... с того света вернутся похороненные теперь старики, вернутся они младенцами в свой род и увидят, что на земле нет пароходов и нет никакого железа, только иногда можно будет найти кусок железа для стрелы или сделать из него цепь. Тогда начнётся жизнь, которую я видел в детстве...» [10]. Вот образец циклической историософии: река времён начинает обратный ход. Архаичное сознание ещё может быть востребовано, в кризисных ситуациях в нём открываются ресурсы выживания. Если человечество ждёт экологический «котлован», то каждый регион вынужден будет выбираться из него по-своему, опираясь на забытые традиции, скажем, самодийцев или тунгусов. Русский человек не мог уютно чувствовать себя в крае, населённом «инородцами», где основная история – чужая для него, сплошные «тёмные века». Проблема субэтнической идентичности (*сибирский характер*) нова, в сущности ещё не поставлена. Программу-максимум – создать предпосылки особого культурно-исторического типа, русско-сибирского, мы можем выполнить только сохранив региональную *идентичность*. То есть обратившись к опыту обживания земли «обдорами» и «чудью». К сожалению, проблема эта пока всерьёз не обсуждалась, но нет сомнения: она принадлежит к числу кричащих, остро актуальных. В сущности, только к концу XX в., когда в активный оборот введено наследие областников и евразийцев, художественная литература приблизилась к масштабному осмыслению темы колонизации.

Литература

1. *Потанин Г.Н.* Избранные сочинения: В 3 т. Павлодар, 2005. Т. 2.
2. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.
3. *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 2000.
4. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Стихотворения, проповеди. Новосибирск, 1994.
5. *Бахрушин С.В.* Очерки по колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3.
6. *Гумилёв Л.Н.* Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М., 2002.
7. *Ядринцев Н.М.* «Сибирь как колония: К юбилею трёхсотлетия. Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. СПб., 1882.
8. *Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования.* СПб., 1898.
9. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 15. С. 487.
10. *Мифология хантов.* Томск, 2000. С. 312.